

Рисуя старую Москву

Художница Елена Абаренкова — правнучка знаменитого москвича Владимира Гиляровского, — как и дядя Гиляй, преданно и нежно любит свой город. Она родилась и выросла в его доме. В Столешниковом переулке. Учила уроки за его столом. И сейчас там живет, окруженная его книгами, газетами, вещами.

Елена АБАРЕНКОВА.

Рисовать Москву, с одной стороны, узнавать, с другой — признаваться в своей любви к ней. В графических листах познаешь Москву, и хочется, чтобы познали ее вместе с тобой. Делишься на листе красотой еще не ушедшей, а просто спрятавшейся, скрывшей свою прелесть во дворах, переулках, улицах. Хочется поведать на листе бумаги, что были у нас Проломные ворота, Сухарева башня, о которой дядя Гиляй успел написать:

*Простимся с Сухаревой башней,
Она теперь уж день вчерашний,
С нее сперва ограбили часы,
Нет вековой на площади красы.*

Таково кредо члена союзов художников и писателей России, кандидата искусствоведческих наук Абаренковой. И таково ее предназначение — рисовать Москву, служить ей, как служил великий прадед. Впрочем, этим родством она никогда не кичилась. И в обычной московской школе, где Лена училась, и в пединституте, а потом на факультете истории искусств Художественного института имени Сурикова, мало кто знал о ее знаменитых корнях. Она считает это нескромным. Даже сердится, когда кто-то, говоря о ней самой, вспоминает прадеда. «У меня есть мое имя. Есть я сама», — парирует Лена.

Впрочем, устроители ее недавней персональной выставки в городской Думе «Москва Гиляровского» сочли необходимым обнародовать этот факт. Собственно, почему бы нет? Тем более что эта молодая столичная художница, как и ее славный прадед, творчество свое посвящает любимому городу, воскрешает архитектурный облик старой Москвы.

Когда мы за чашкой чая сидели в ее доме, в квартире дяди Гиляя, я спросила, не было ли желания поработать за границей. Туда, как известно, рванули за вдохновением и заработками многие столичные графики, живописцы, скульпторы. Ах, как она возмутилась! «Жить надо только здесь. И как можно достойнее. Слепое преклонение перед Западом исчезнет, если нам раскрыть глаза на то, что имеем мы сами».

По ее мнению, многое имеем, но, увы, немного ценим. В том числе свою историю, свой город: «Предки наши создавали красоту Кремля, строили Иверские ворота, Дом Дашковой — ныне Московскую консерваторию, особняки Разумовских, Апраксиных, Луниных, украшали столицу». Московскую консерваторию, камерную музыку Елена любит с детства, давно дружит с литовским камерным оркестром, который часто выступал здесь с московским камерным хором:

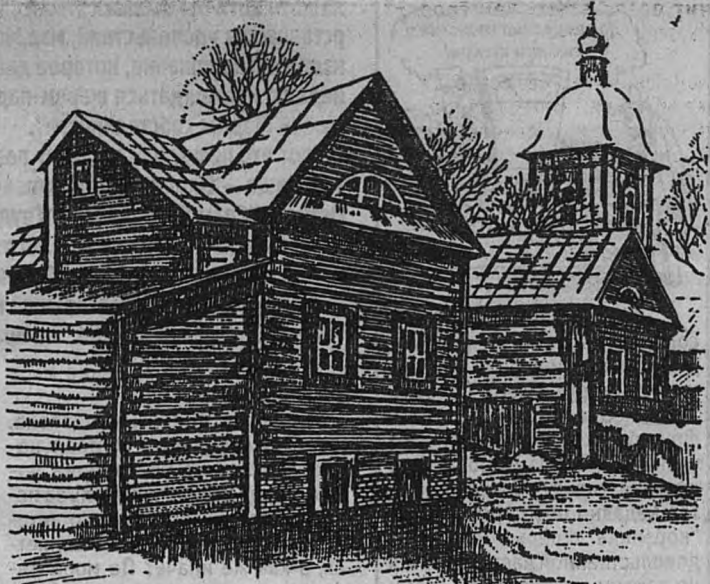
— Консерватория наша, между прочим, самый что ни на есть классический московский амплир. Традиционное сочетание в интерьере белого и желтого цветов. Кстати, в былые времена и кресла в ее зале были покрыты золотистым бархатом. Это теперь они зеленые...

Тема диссертации Абаренковой, которую она защитила в 1992 году, — «Московские частные художественные студии, как явление художественной жизни России конца XIX — начала XX веков». Если Академия художеств — пьедестал, высота, говорит она, то можем ли мы забывать о тех, кто радел за жизнь искусства в обществе, организовывал школы, студии. Кстати, в своей книге «Чудодеи» Лена привела весьма любопытный факт. Как в 1881 году газета «Труд» (была такая и в прошлом веке) писала по поводу одной такой студии: «Относясь с полным сочувствием к трудам господина Мурашко по учреждению возникшей по его почину школы и выставок, мы позволяем себе думать, что было бы крайне желательно преобразовать школу из частной в общественную, которая будет переходить от поколения к поколению». Лена и в своей диссертации, и в книге «Чудодеи»

малую родину, чтобы щедро делиться ими с земляками. Эпоха безудержной коммерции, когда и знания, и красота не передаются, а продаются, канет в Лету как дурной сон. Вот тогда мы и вернемся к истокам, к философии жизни русских подвижников. Таких, как Михаил Леблан, которого, кстати, Владимир Гиляровский чрезвычайно ценил.

Художественная студия Леблана открылась в Москве в 1912 году. И, как пишет Елена в одной из своих книг, там было полно учеников. Они тянулись к искусству, к замечательному учителю своему. Кстати, в подмосковном поселке Картино есть небольшой музей Гиляровского. В последние годы жизни дядя Гиляй проводил там, на даче, каждое лето. Сегодня в музее висит леблановский натюрморт, на котором изображены золотые шары. Писал автор это полно, заполненное цветами, там же — в Картино. Дядя Гиляй тоже любил цветы, сам за ними ухаживал, поливал специальным настоем трав. Любовь к ним передалась и Елене. Наряду с графическими работами, которые она посвящает старой Москве, художница часто пишет натюрморты. У нее есть очень интересная серия «Цветы России». Видимо, человеку по наследству передается если не все, то очень многое: любовь к красоте, Родине большой и малой, желание ей послужить, уважение к корням, роду своему.

В квартире дяди Гиляя в Столешниковом переулке, между прочим, очень чтут старые традиции.

Старая Москва.

доказывает на исторических примерах, что бескорыстный труд художников, забота их о культуре общества — есть забота о России. Не корочка «членкор академии», не радение о собственном признании и величии, а художественное просвещение народа, воспитание учеников — вот путь служения истинному искусству. Увы, сегодня в Москве художественных школ, студий очень мало. Бал правит массовая культура, что не прибавляет обществу нравственного здоровья. Но время подвижников придет, уверена она. И придет такое время, когда Москву не будут противопоставлять остальной России.

Именно в столицу всегда ехали учиться мастерству таланты из всех российских весей. А потом увозили отсюда знания на свою

Елку здесь не убирают, покуда не пройдут все четыре январских праздника — Новый год, Рождество, старый Новый год и Крещение. Мама Елены Абаренковой — Екатерина Георгиевна вспомнила четверостишие, которое Гиляровский посвятил новому летосчислению:

*С тех пор, как грянула свобода,
Мне все на свете трын-трава.
Я в год два правлю Новых года
И два Христовых Рождества...*

...Смотрят с большого портрета в старом доме в центре Москвы умные глаза дяди Гиляя, стоят на полках его книги. А рядом — книги Елены. И написанные ею картины украшают стены этой доброй московской квартиры. Жизнь продолжается, не иссякает.

Елена БЕРЕЗНЕВА.